

Писать о Георгии Калмыкове я не предполагал - начальнику управления № 10 по эксплуатации и ремонту газового хозяйства ВАО Москвы ГУП «Мосгаз» отводилась скромная роль: он взялся познакомиться со мной с одним из лучших газосварщиков управления, работавшим в те дни на замене газопровода в жилом доме. Я хотел написать о сварщике...

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

МОНОЛОГ О ЛЮБВИ

Но начальник управления оказался словоохотливым и интересным собеседником. Он говорил о своей работе с таким искренним и - самое главное! - заразительным удовольствием, что на пятой минуте разговора я решил: Калмыков - будущий герой очерка. А на десятой совершенно забыл, зачем пришел, и погрузился в проблемы управления № 10, да и Мосгаза в целом. Речь шла о так называемых футлярах, участках газопроводных труб, которые проходят сквозь стены домов - с улицы в квартиры. С «футлярами» у газиков большие проблемы - они ведь не видны, как и труба в земле. Диагностировать «футляры» начали в 2000 году. Год тот выпал, как сказал Калмыков, исключительно арифметически: за точку отсчета взяли 1970-й (газопровод старше тридцати лет подлежит диагностике). Все шло привычным чередом: эксплуатационники заменяли проржавевшие «футляры» новыми, из десяти вводных участков выбраковывался один. Но вот во время плановой диагностики в ВАО на двух однотипных домах - в Сокольниках и Восточном Измайлово - диагносты забраковали газовые вводы на всех шести подъездах двух домов. Случай, мягко скажем, неординарный. Но, зная, что с законами химии не спорят, разбираться в причинах такого «подарка природы» эксплуатационники не стали, а занялись срочным устранением чрезвычайной ситуации.

...Закончив вводную лекцию, Калмыков посмотрел на часы: можно ехать. Но, пораженный последним фактом, я механически спросил Георгия Михайловича:

- На какие мысли наводит «футляры» этих двенадцати подъездов?

- Тревожный сигнал! - оживился Калмыков. - Но что вы хотите от дома, газифицированного сорок лет назад? Мы вынесли газовые трубы из подвала, заменили новыми. Но начинка-то в доме осталась! Представьте сорокалетний железный стояк в кухне, рядом с мойкой. Что будет с трубой? - Коррозия, - вспомнил я школьный учебник по химии.

Калмыков еще больше оживился и, продолжая говорить, отправился в угол кабинета, открыл дверь какой-то кладовки, взял с полки сверток и вернулся к столу:

- Сейчас продемонстрирую - мы недавно устранили аварийную ситуацию. Вот это стояло на кухне у мойки...

Он развернул бумагу. «Это» оказалось куском металлической трубы - местами крашеной, местами обмотанной изоляционной лентой. Часть трубы изъедена коррозией; в центре чернела дырка - в нее свободно прошла бы спичка.

- Шестимиллиметровая, - сказала я, оценивая исходную толщину трубы.

- Четыре, - прищурился Калмыков.

Я настаивал на шести. Калмыков взял линейку. Оказалось пять. Этот факт нас примирил, и Калмыков продолжил:

- В прошлом году нашли пятнадцать таких «экспонатов». Можно сказать, пятнадцать катастроф предотвратили.

Он опять сходил к кладовке, принес еще несколько свертков - там были такие же трубы.

- Коллекционируете?

В ответ Калмыков принял разворачивать свертки - ржавая труха сыпалась прямо на письменный стол, но Калмыков не замечал и, развернув последний сверток, постучал металлической ручкой по тому, что когда-то было трубой. Звук был тусклым и пустой...

- Фольга! - объявил Калмыков. - А ведь тоже была «пятерка». И вот это мы нашли в межэтажном перекрытии! Менять надо все!...

Увлечшись ржавыми трубами, мы наконец забыли о поездке. Калмыков между тем заговорил о масштабах предстоящей работы. Управление № 10 заканчивало программу выноса газопроводов из подвалов и одновременно приступало к другой программе Мосгаза: выносу газопроводов из подъездов - таких домов под опекой управления 679. Если учесть, что по всей Москве строений, попавших в эту программу, 2700, то на долю десятого управления приходится четвертая часть. Впрочем, такими объемами калмыковскую гвардию не смутит: хотя к моменту нашего разговора не было еще точных данных о работе в прошлом году, но Георгий Михайлович точно знал, что

ФОТО АНДРЕЯ НИКЕРИЧЕВА

его управление выполнило объем работ, равный объему работы остальных управлений вместе взятых - их в Мосгазе было тогда девять.

- Мы взяли на конкурсах большие объемы, - пояснил Калмыков. - Значит, нам доверяют. Честно скажу: я как руководитель очень горжусь тем, что у меня такой коллектив, меня это очень воодушевляет и даже окрыляет...

Слова Калмыкова насторожили. Признаюсь: как услышу пафосную речь, так не могу удержаться от вопроса вразрез и не к месту. Не выдержал и на сей раз.

- А какую, скажите, ваши сварщики зарплату получают?

Калмыков погрустнел. Но, как человек пунктуальный, попросил бухгалтера Иришу принести карточки нескольких высококвалифицированных сварщиков. Ириша принесла. Изучили мы эти карточки и обнаружили, что в среднем хороший сварщик зарабатывает 11 тысяч рублей в месяц. На мой взгляд, негусто.

Калмыков погрустнел еще больше, но согласился:

- Такой же сварщик в коммерческой структуре зарабатывает в четыре раза больше!

- Это справедливо? - спрашиваю опять не к месту.

- Несправедливо! Три года назад у меня был фонд руководителя. Скажем, сорвали людей с переключения на аварию, например, в подzemке - там сложно работать: надо раскопать котлован, лезть под землю, делать врезки. Тяжелейший труд... За устранение аварийной ситуации я давал премию бригаде. Ликвидировали фонд. Аварии устраняем за счет собственных эксплуатационных расходов...

Это был, если хотите, монолог о любви к Мосгазу!

Вот тогда-то я и сделал короткую пометку в своем блокноте: «Очерк о Калмыкове!»...

БОРЖОМСКИЙ АКЦЕНТ

Трудовая биография Калмыкова мне стала известна благодаря все той же привычке задавать вопросы не по теме. Я обратил внимание на еле уловимый кавказский акцент начальника десятого управления и спросил: откуда, мол, такой говорок?

- Из Боржоми, - ответил он со смехом. - Пробивает? Но отец у меня русский, мама - украинка.

Калмыков родился в Боржоми, но учился в русской школе. Окончил ее в 1966 году и пошел работать на стекольный завод - дворовые ребята потянули. Завод выпускал бутылки для боржомской воды. График работы был скользящим: четыре дня в дневную смену, четыре - в вечернюю, четыре - в ночную. Стекло варится круглосуточно - машины не должны останавливаться. Дворовые мальчишки вскоре сбежали. Калмыков не сдавался.

Но однажды утром отец - газосварщик высшего разряда! - подошел к сыну и решительно сказал: «Больше туда не пойдешь. Будешь работать в газовой конторе». Калмыков-младший опасливо покосился на газовую плиту, стоящую на террасе, и вызывающе ответил: «Что мне там делать?» - «Нужную специальность получишь!» - ответил отец и ушел на работу.

Калмыков стал газиком. Потомственным. И проработал в конторе «Боржомгаз» пять лет - слесарем аварийных заявок. Потом женился на москвичке - приехал в Москву...

В трудовой книжке Калмыкова была запись: слесарь аварийных работ 3-го разряда. Но, узнав, что московские газосварщики работают с природным газом, а не с жидким, как в Боржоми, заявил экзаменационной комиссии: «Пойду учеником».

«Я трезво оценил свои возможности», - объяснит он свой поступок. А я отмечу, что не ошибся, почувствовав в Калмыкове требовательного - прежде всего к себе - человека.

Его приняли учеником. Потом был учебный комбинат на Сушевке при УТЭХ. Вышел оттуда круглым отличником. Поступил в МИСИ им. Куйбышева на вечернее отделение. Тогда же ему предложили должность мастера участка в одиннадцатой конторе - так они тогда назывались. Обслуживала его бригада бывший Москворецкий район. В 1980-м защитил диплом. А в 1983 году ему предложили должность главного инженера четвернадцатой конторы, обслуживавшей два района: Куйбышевский и Сокольнический. Потом в Мосгазе случилась реформа. Многие конторы слили воедино. Четырнадцатую соединили с девятой. И назвали предприятием номер десять. В 1989 году

Калмыкова назначили заместителем директора предприятия. В такой должности проработал два года. В 1991 году назначили директором. В 1996 году предприятие переименовали в управление. Обслуживало оно весь Восточный округ и две управы Центрального: Басманную и Красносельскую. Если посмотреть на карту Москвы, то выходит солидный клин - от центра города, захватывает Красное Село, Басманную и весь ВАО - самый большой округ столицы...

НЕ ТАК СТРАШЕН ГАЗ, КАК О НЕМ ГОВОРЯТ

Однажды спецы Мосгаза предложили мне посмотреть процедуру выноса газопровода из подвала - чтоб имел представление, о чем идет речь в разного рода интервью и комментариях. Покажет процедуру Калмыков, сказали мне.

Явился я к нему, как и условились, рано утром. Вхожу в кабинет. На столе у начальника кипа бумаг - белго просматривает и подписывает. Молчания Калмыков не выносит, поэтому по ходу начинает комментировать:

- Утром оформляем вчерашние работы. Пока не отчитаемся за материалы, полученные вчера, не получим на сегодня. У нас кладовщица гайку не отпустит без бумаги. Очень строго с этим...

Пока добирались до места, Калмыков просвещал: новый газопровод надо врезать в действующий, по которому бесперебойно идет газ. Не отключая.

Пятиэтажный кирпичный дом был обвит толстой газовой трубой и несколькими трубами диаметром поменьше - одним концом они уходили в тело дома, другим свободно свисали к толстой трубе. «Вот эти-то концы и надо врезать в газопровод», - пояснил Калмыков.

И тут я еще раз убеждаюсь в мудрости поговорок: лучше один раз увидеть, чем сто - услышать. В машине все эти слова «врез», «вынос», «подключение» звучали абстрактно. На «фактуре» до меня наконец доходит: по трубам-то газ идет! «И вы хотите сказать, что сейчас, когда по этой трубе идет газ, в нее будут врезать вон ту, новую, не отключая?» - заявляю я Калмыкову.

Он, довольный произведенным эффектом, бросает на ходу: «Сейчас все увидите. Первую точку уже готовая».

Подходим к первой точке. Трое рабочих - один с газовой горелкой - производят малопонятные мне манипуляции.

Калмыков с явным удовольствием поясняет:

- Вот наметили, где будет «окно» вырезать.

- Но газ вырвется наружу и взорвется, - машинально говорю я, смутно припоминая инструкции, листовки и брошюры Мосгаза...

- Вырваться-то он вырвется, - продолжает ликвидацию моей безграмотности Калмыков, - но не взорвется. Газ взрывоопасен в концентрации с воздухом от 4 процентов до 15. В чистом виде - горит...

Сварщик тем временем зажигает горелку и приступает к делу...

- Операция называется врезкой газопровода под газом, - объясняет Калмыков. - Видите, прорезает дыру... Прокол сделал... Пошел газ...

Из-под горелки вырывается пламя... - Зрелище не для слабонервных, - замечаю я, глядя на метровую свечу огня...

- Привычное дело, - возражает Калмыков и продолжает комментировать: «Если сварщик хорошо зашлакует, то огня не будет... Видите, загасил! Оставил там перемычку, чтобы «окно» не провалилось в трубу. Сейчас ее удалит, потом новую трубу в отверстие заведет и заварит... Движения сварщика скупы и точны. Перемычка удалена... Хирург! - восклицает довольный Калмыков...

Радость его столь искренна, что и я чувствую, как мое праздное любопытство сменяется неподдельным интересом: мне нравится сварщик и его начальник...

ЧЕКАНКА

- Можете взять в руки горелку? - спрашиваю Калмыкова...

- Всегда, пожалуйста! - ни секунды не задумываясь, отвечает Георгий Михайлович. - Разве можно это забыть? Вот недавно чеканил форсунку...

Видя мой недоуменный взгляд, разъясняет:

- Плиты, работающие на природном газе, имеют диаметр форсунки в три раза больше, чем плиты, работающие на жидком газе. И если к этой плите подсоединить баллон с жидким газом, то газ будет гореть не голубым пламенем, а красным коптящим. Как костер. Поставь кастрюлю - она закоптится. Для того чтобы плиту, предназначенную для работы на природном газе,

подсоединить к баллону с жидким газом, диаметр форсунки надо уменьшить втрое. Эта операция и называется у нас - чеканить: молоточком постучал, и отверстие уменьшается в диаметре. Только надо глаз иметь точный и руку. Как часовой мастер. Подгоняешь до тех пор, пока пламя не станет голубым и ровным...

У нас в правлении дачного кооператива опустел баллон. Я им отдал свой. Подсоединил. Зажгли. Коптит. Вот я и полез чеканить. Зажег - пламя ровное, голубое, они такого и не видели - и говорю: вот так должно гореть!...

АПОЛОГИЯ ПРОФЕССИИ

И все-таки я ошибся: когда Калмыков говорил, что гордится товарищами по работе, то не пафос был в его словах, но искреннее уважение. Это я пойму позже, когда мы встретимся в другой раз и разговор вновь зайдет о газосварщиках. Калмыков расскажет мне курьезный случай.

- Я теперь на городских селекторных совещаниях присутствую в префектуре. И вот как-то замглавы управы Новокосина жалуются: дескать, получил в Измайлово квартиру и обнаружил нарушения в монтаже газопровода. Псылаю своих ребят. Через несколько дней на селекторе он подходит и как-то возбужденно говорит: «Георгий Михайлович, у вас так работают?» В первый момент я даже растерялся: кто там мои орлы натворили? А он: «Входят твои мужики в спецовках. Лица сосредоточенные. Раскрывают чемоданчик с инструментом - все аккуратно разложено. Стали работать - ни одного лишнего движения. Пожалел, что не включил хронометр - за считанные секунды все сделали. Сложили инструмент. Закрыли чемоданчик. Сказали: «До свидания!» И исчезли. Я долго не мог в себя прийти!... Честно скажу, слушать было приятно. «Мы всегда так работаем», - сказал я ему.

И он опять повторит, что гордится коллегам. Теперь я не услышу в его словах пафоса. Но, увы, привычка - вторая натура, и вновь высказывает у меня вопрос не по теме:

- И что, среди них нет пьяниц?

Калмыков смеется, подходит к окну.

- Посмотрите во двор: вся площадка перед управлением заставлена личными машинами наших ребят из капиталки и подzemки. О чем это говорит?

- Благополучие растет... - Это говорит о том, что все они ни грамма не выпьют на работе - нужно садиться за руль... Я в Мосгазе с 1972 года. И еще в советское время говорил: кто не пил в Мосгазе, тот имел машину. Благополучие непьющего человека, где бы ни работал, на порядок выше, чем пьющего.

От парадокса Калмыков перейдет к обобщениям - заговорит о своем поколении.

- Говорят, шестидесятники много сделали хорошего для страны. А ведь семидесятники тоже вложили немало. Сегодня Мосгаз на восемьдесят процентов состоит из людей, чья молодость и становление пришлось на 70-е годы. Рабочий класс - в том числе инженерно-технические работники - костяк и опора Мосгаза. У нас много ветеранов, которые отдали жизнь газовому хозяйству столицы, все силы. И труд этих людей надо оценивать иначе, чем молодые, глядя на них, знали, что можно и нужно расти, что есть перспектива. Стимул должен быть. И тогда эти люди будут охотнее передавать молодым свой опыт.

- А есть кому передавать?

- Есть. У меня, например, хороший главный инженер, Василий Дмитриевич Норкин. Грамотный. Перспективный...

И тут я усомнился: каким-то уж очень мажорным выглядит Калмыков - всегда улыбается, шутит, о людях говорит хорошо, во всем видит перспективу и прогресс.

- И никаких камней на душе? - спрашиваю Калмыкова.

- Помните взрыв на Щербаквке 98-го года? Тогда прошли первые теракты. И тут от взрыва развалился подъезд. Причину назвали: газ. Я там был - мой участок. Выходы комиссии не оспариваю. Но у меня есть право на сомнение? Не похоже это на взрыв газа. Когда газ взрывается, разрушения бывают только внутренние. Газ ищет проходы, находит самое тонкое место. Окна вылетят. Обрушится может. Но не направленный будет взрыв! Я был на расследовании с независимой группой. Взрыв пошел напрямую и проломил все, что встретилось на пути. Даже лифтовую шахту вдавило. На 150 метров в домах вылетели стекла... И вот когда назвали, что причина - газ, и это разнесли все СМИ, у меня душа болела. Даже депрессия началась... Я очень импульсивный человек. Такой характер. Может быть, неправильный. Но другому не работаю...

Василий ДВОРЫКИН